

Николай Курилов — якугирский писатель, профессиональный художник, яркий представитель одного из самых малочисленных северных народов России, насчитывающего всего 600 человек. Родился в 1949 году. Окончил Красноярское художественное училище. Начал печататься с 1975 года, в 1982-ом вышла его первая книга стихов «Цветок тундры». Николай Курилов — участник Всесоюзных совещаний-семинаров в Москве, Ленинграде, Пицунде, автор многих книг на якугирском, якутском и русском языках. Член Союза художников и Союза писателей России, один из создателей якугирского алфавита.

Николай КУРИЛОВ

С ликом матери

Эссе
Перевод с якугирского

Однажды мама встретила меня у порога дома и, смеясь, сказала: — Вот, показали по телевизору, как кричит новорожденный ребёнок. Смешно так по-ихнему получается: «Ма-ма!» А вспомнила о вас, вы кричали по-другому, по-нашему: «Энь-из!»

Потом, сидя за столом, она не переставала удивляться своему открытию: — Наверное, каждой матери её родной язык везде мерещится, даже в плаче рождённого ею ребёнка...

Я рассказал, что петушиный крик, известный на русском как «ку-каре-ку!», разные народы тоже слышат по-своему.

— Глянь-ка, — рассмеялась она, — если по-разному слышат петушиный крик, значит, я правильно услышала крик ребёнка русской женщины.

— А отец? — спросил я.

Она, весёлая и в настроении, удивлённо вскинула брови: — Отец... — после заминки сказала: — Наверное, нет. На материнском языке младенец кричит: у неё становится человеком, её едой кормится, рождается, причиняя ей боль, потом, высасывая её молоко, растёт, её воспитанием, заботой и трудом школу кончает, в Ленинград и в Москву учиться едет.

Вечером, лёжа в своей кровати, она окликнула меня: — Микалай, я вот тут думала о плаче ребёнка, помнишь? Ты ещё спросил об отце... Всё равно ребёнок кричит на материнском языке, ведь оленёнок харкает по-оленьи, жеребёнок ржёт по-лошадиному, орлёнок клекочет по-орлиному.

Утром мама вдруг спросила: — Скажи, сынок, что такое кочёвка в тундре? — Это не отставать от едущего впереди.

— Ну, может быть, хотя кочёвка — это путь за жизнью, за оленями. А

ещё добавлю — это путь женщины: она следует за своим мужем.

— А можно поспать впереди едущего отца? — Можно. Но потом нужно вернуться обратно.

— Потому что он — главный? — Нет, сынок, дело не в главенстве. За вами, за детьми, кто будет присматривать? Человек никогда не бывает один. Он всегда был и будет с отцом, с сёстрами, с братьями, с друзьями. Но, начиная с внутриутробного состояния, он — с матерью: формируется в материнском лоне, рождается матерью, кормится и ласкается ею. Птица имеет крылья, потому ей мать не нужна, олень имеет четыре ноги, потому о матери не знает, человек имеет сердце и голову, потому о матери забыть не может, — сказала она, пододвигая миску с дымящимся мясом. — Видишь, — указала на онидигиль-дымоход, — у некоторых бывает так много людей в семье, как этих жердей в онидигиле, но убери остов-нимэдайл с тремя главными жердями: мать, отец, родной язык, — семья никогда не восстановится.

Мама наша — мыслитель от жизни. Иногда мне кажется, что философия тундровиков-якугиров началась с неё. Любое её высказывание, замечание — это ступок народного знания, его древней философии, приобретённой мудростью этноса — современника, может быть, мамонта.

Если б отец, любивший свою юную жену, не прятал её, кочуя вокруг священного озера Большое Улуро, от «сборщиков детей в школу», она могла бы стать самой настоящей коммунисткой в ранге, как она шутила говорила, «самого-самого большого начальника». Или же умерла бы, как поколение ребятшек харатальской школы 1944 года, от эпидемии ослы, скосившей всех во время учёбы.

— Сколько светлых умов, сколько настоящих якугиров наша тундра в том году потеряла!.. — сокрушалась она, рассказывая об этой трагедии. — Там, — показала в направлении старой школы, — лежит целое поколение якугиров,

смерть которых ничем и никогда не восполнить. Потому, наверное, мы так быстро ослабели...

— Остов-нимэдайл твоей бабушки сгорел, а это более поздний, — сказала она, поглядывая в онидигиль-дымоход. — Опять нас стало трое!

Детство я помню, как может помнить ребёнок: наша маленькая ураса, хождения за рыбой или за мясом к соседям. Отец умер.

В те годы мама, как одна из жердей остова-нимэдайла, поддерживала маленьких детей, согревала как могла, кормила тем, что добудет. Упала эта жердь тогда — неизвестно, как сложились бы наши судьбы. С нею упала бы и другая — родной язык, древний, древнее, чем забытый древнеегипетский.

— Якугиров наш Хойл (якугирское верховное божество) хранит, — говорила она. — Верь ему.

— А Христос? — спрашивал я, так как с детства помнил: молюсь маленькому медному образу с человеком, она говорила на свой манер: «Христос».

— И ему верь, ведь он — Хойл Киристос.

Я позднее спорил с мамой, узнав, что Хойл и Христос относятся к разным религиям. Но она не сомневалась в правильности этого сочетания, оставленного ей матерью и отцом.

— Даже коммунисты плеснут водку на

землю, прежде чем выпьют, — замечала она смеясь, — сколько раз видела. Нельзя ни во что не верить, это большой грех.

Мама верила до конца жизни.

— Как уедете, молюсь Хойлу Киристосу, чтобы поддерживал вас, помогал и направлял в лучшую сторону. Молюсь родной земле, где я первое дыхание сделала, молюсь Огню — Хайче Лачил Мэру, солнцеву брату, теплом которого до старости лет греюсь... Мне же ничего не нужно: здесь свои люди — помогут, а там пусть Хойл Киристос поддерживает вас...

Мама и вправду ничего не просила: ни квартиры, ни денег, ни помощи у Советов. Разве дров попросит подкинуть. Но если к ней самой придут за помощью, никогда не отказывала, будь то деньги или что другое. Когда мы собирались улетать, совала в руки то десять, то двадцать, а то и вообще 50 рублей из своей пенсии. А тогда это была большая сумма! Отказаться не смели, чтобы не обидеть: «Не тебе же, внукам моим, — говорила она, умоляюще глядя в глаза, — не тяжесть ведь, не мясо или рыбу в карман кладёшь».

Из всех братьев позже других женился младший — я. И мама очень переживала: — Ну, когда обрадуешь меня невестой? Я отмахивался. Тогда она начинала

обрабатывать: — Ты вот с этой девушкой поговори: работающая, не курит, опрятная. Хорошая мать будет.

Кандидатка отвергалась.

— Ну ладно, что делаешь, — не унималась мать. — Тогда с той я сама поговорю, ты ведь у меня красивый, любая пойдёт. А она — точная копия своей матери: хорошая женщина, знаю. Не подходила и эта «невеста».

— Господи! Ну, не нашу бери, а русскую. Правда, у братьев с ними сплошные заботы, хотя, может быть, не женщины виноваты, а твои братья... — мама разводила руками. — Всё вам нужно чужое. У других сыновья в посёлке женятся, с родителями кочуют. Счастливые родители. Если б женщина мужа выбирала, было бы проще: мужчин-лентяев не было бы, как нет женщин-лентяек.

Однажды, когда я явился пред очи матери уже как отец семейства, она как по-своему, с лукавинкой спросила, наливая чай: — Как будете жить: с одним ребёнком, или как?

Я был готов к этому вопросу и потому долго не стал думать: — Не-ет, хватит, зарплата маленькая да и квартира никакуда не годится! Лукавинка её превратилась в улыбку: — Что вы все в деньги упёрлись, словно родились с этими бумажками в руках! — Такова, — отвечаю, — сейчас жизнь. Раньше олень кормил, а теперь бумажка кормит.

Она рассмеялась: — От-тастай! Ну, кто вас, детки, будет кормить на старости лет?! Хлеб подаст, воды нальёт?... Раньше, бывало, смотришь, какой аргиш едет, и уже знаешь, какие семьи идут: длинный аргиш — много их, короткий аргиш — одиночки. Длинный аргиш остановится — веселье, смех, дети бегают и играют. А короткий аргиш остановится — тихо, даже собаки и те не лают... Ну, правда, иной раз природа покусится, да ведь берут же детей на воспитание: иногда лучше, чем родные, за старыми ухаживают.

Её сравнение с коротким аргишем повлияло на нас. Родилось ещё трое. И получилось так, как она говорила: старшие уехали учиться, а младшие остались, заполняя квартиру смехом и радостью. И когда кто-то из них наливает чай и режет хлеб, вспоминаю слова матери: «Хлеб подаст, воды нальёт...».

— Зверь сам по себе пасётся: слабому не даст, сильному уступит. А человек с людьми живёт: ты не сможешь — он пропадёт, он не поможет — ты пропадёшь. Бывало, совсем всё кончится, а дверь откроется — кто-то что-нибудь принесёт. Плохо без людей жить. Наши предки потому вместе жили, чтобы легче было... Если б отец был живым, и нас было бы много...

В последних словах она и выдала, лишь один раз, свою боль, которая отозвалась во мне. Но я был молод и искал в жизни свою дорогу. А это была

не пастушка и не рыбацкая тропа. Никогда она не видела нас за своим столом, сидящих вместе. Хотя и мечтала.

— Как защемит в груди, которой вас кормила, знаю: с кем-то что-то случилось... И зачем только женщине такое сердце и голову Хойл дал: за всё и всех переживаешь — не жизнь, а сплошное мучение... О, Господи, Хойл Киристос, что это я болтаю! — встрепенётся, словно опомнившись. — Спасибо тебе за эти переживания, без них мы, женщины, сошли бы с ума, да и кто о вас, о детях, думать будет! Мы же матери...

Я молчу, чувствую свою вину. Потом начинаю доказывать правоту, намекая на то, что берут отцовские вожжи старшие братья, мол, работа у меня такая.

Она молча слушает, как бы соглашаясь, кивает головой. Во всём её теперешнем облике чувствуется смирение.

— Сынок, — прерывает мама меня, — да не вино я никого вас... На то вы и дети, чтобы разлетаться... Так раньше было в тундре, чтобы дети при родителях жили, а теперь — по всему свету летают, в Ленинграде живут, в Якутске. Разве такое дедушке и бабушке твоим снилось? Нет.

Помню далёкие годы отрочества, когда впервые вышел на охоту. «Ты — мужчина, хоть и маленький, — говорила мама, запиная в мой "сидор" из мешка-куля олады. — У тебя есть ружье, значит, ты стал сильнее птиц и зверей. А кто сильнее, тот должен быть добрее и ласковее: не бери из гнездышка лишнее яичко, не бей мать у птичек — осиротеют, зря не стреляй по живому».

— Видел пустую ярангу? — спросила она однажды, и я знал, о какой яранге идёт речь (дом стоит, а хозяева умерли). — А ведь была хорошая семья, всё имели. А умерли в одночасье родители и дети разбрелись... Вот говорила о куропаточьих птенчиках, что разлетаются враспыню, но, видишь ли, потом мать-куропатка всё же соберёт своих детушек, если живая. А детей этого дома никто не соберёт...

Давно нет матери с нами, но, хоть и иллюзорно, она рядом. И в дни, когда тяжело и нет выхода в какой-то ситуации, я смотрю на маму и мысленно, как она обращалась к Хойлу Киристосу, шепчу: «Эньиз, мама, поддержи, помоги...»

Может, и в момент смерти все видят своих матерей, какими они ни были, уходят, ощущая, как материнский лик успокаивает и утешает: с тобой я, дитя моё...

Вечно слово «мама», на каком бы языке оно ни произносилось, но в тысячу, в миллионы раз прекраснее на родном языке, тем более, если он таит с каждым умирающим из малочисленных твоих соплеменников.

Один древний остов-нимэдайл остался...

Эньиз, толпик поддержи нас, помоги...

обзоры ОЛГ

В. Иванов-Таганский. Запрет на прозрение. — М.: «Игра слов», 2011. — 400 с.

Дом Иванова-Таганского я бы назвал средневековым замком, сложным из супер-полимеров XXI века. В нём гулко, добротно и где-то чопорно. Здесь бродят и пугают призраки Холодной войны. От зловещего пейзажа, открывающегося с верхнего этажа, захватывает дух.

Неоспоримое достоинство романа «Запрет на прозрение» в жёстких, разящих формулировках. О чём

книга? Отвергая эзопов язык и фари-сейскую толерантность, автор концептуально обнажает цели мировой закулисы в отношении нашей страны: «Поставить во главе России своих призраки Холодной войны. От зловещего пейзажа, открывающегося с верхнего этажа, захватывает дух.

Неоспоримое достоинство романа «Запрет на прозрение» в жёстких, разящих формулировках. О чём

Евгений ЧЕБАЛИН

Политика, литература, философия

и не только...

Чтение современной литературы сходно вхождению в жилище, построенное писателем. Ещё встречаются покосившиеся избушки с милым почвенному сердцу гнильём брёвен и дырявыми заборами, с чертополохом запущенных огородов. Здесь кряхтит по завалинкам забытое Богом и властью старичье, пропущенное через мясорубку гражданской и Отечественных войн. Ещё живы и некоторые «буревестники революции», члены комбедов, ревкомов и продотрядов, сокрушители церкви и соборов. Здесь

Тугая закрученность сюжета, его галопирующая скорость — непременное условие крупной литературы XXI века, если автор претендует на читабельность и массовость. «Запрет на прозрение» плотно скручен из детективных волокон. Здесь пульсирует похищение экстрасенсорного провидца Самарина и поиск его по всей Европе. Здесь липкая сеть ЦРУ с генерал-пауком Рейсом и концептуальный, мировоззренческий поединок с ним молодого прокурора Кирилла Маркова. И над всем этим гильотиной нависли ядерные мины, предназначенные для взрыва в московском метро. Их готова взорвать пара безбашенных фанатиков, направляемых кукловодами из ЦРУ. Вполне добротный набор сюжетных приёмов. Подобные опысы способны взвать читателя за горло и не отпустить его и в электричках метро, и на песках Шармэль-Шейха.

Но роман Иванова-Таганского грузно выламывается из стандартно-детективной канвы. В блестящую оболочку этого бестселлера завёрнута геополитика. Она круто замешана на фило-

софии. Авторскому интеллекту тесно на прокустовом ложе литературной завлекаловки. Он собирает воедино противоречивые частности мира и преподносит нам раскалённый монолит аксиомы XXI века. «Все заповеди Христа нарушены, и потому мир — сумасшедший дом», — говорит в романе экстрасенсорный провидец Самарин. Где истоки этого сумасшествия? Адрес, указанный автором точен: менялы и ростовщики в Храме, откуда Он погнал их плетью. Изгнанные расплодились и расплозились по свету. Они чудовищно разбухли, превратились в финансовые спруты и теперь принуждают человечество обожествлять не совесть, не сострадание и любовь, а звериный чистоган.

Итальянский парламентар в «Запрете на прозрение», выступая в Евросоюзе, вскрывает гнойник мирового кризиса на теле европейских государств: «Никто не знает, как сегодня работает печатный станок, сколько фантомных денег и деривативов разлилось по свету и разъедает экономику... Здесь собрались люди, которые сотворили этот кошмар.

блеет тоще-драниая коза и гавкает ещё не сдохший Кабыздох. А самый перспективный пейзаж с завалинок — дремучий погост, где орёт вороньё на покосившихся крестах. И надо бы пустить слезу на их сирую убогость, да высохла она у читателя за двадцать последних лет...

Но куда чаще и нахрапистее нас вталкивают во дворцы нуборшней. Тут раздолье местечковому хаму, выскочившему из грязи в князи...

Надеяться, что они спасут нас от кризиса наивно, это всё равно, что умолять поджигателей потушить пожар».

Географическая привязка романа естественна — Россия, хотя действие нередко перемещается в Европу и Америку. Но именно необозримые просторы России и её несметные богатства стали в XX веке первоочередной целью финансовых воротил. Стратегия достижения её была разработана еще в 1946-ом году Аленом Даллесом: окончательно обескровить подорванную войной экономику, заменить ценностные ориентиры, а главное, лишить государствообразующий этнос, русских, нравственного и творческого стержня.

Сюжет романа стремительно раскручивается по классическим канонам мировых детективов. Действие до предела раскалено намерениями главного противника России — США, который загнал сам себя в финансово-деривативный угол кризиса. Америка стремится вылезти из этого угла любой ценой, даже ценой тысяч жизней на своих и чужих территориях, спрово-

цировав ядерный теракт. А это означает выпуск из геополитической бутылки джина мировой войны. Одновременно не вычёркивается из разработок и второй вариант развития событий — удар по Ирану.

Но ценность романа не только в мастерской закрученности коллизии. Позиция Иванова-Таганского — это позиция социального прокуратора и она беспощадна к современному режиму: «Когда на прилавках одни детективы, можно сказать, что стрелочник выполнил свою задачу: самая читающая страна за двадцать лет превратилась в мировое зевло... Литературу опустили на колени, в такой позе она ещё никогда не была. За седые пряди её схватили и оседлали братки, графоманы и люди без чести и совести. Они за должность и тридцать серебрянников готовы сожрать друг друга».

Автор — опытный целитель. Его экстрасенсорная диагностика эпохи безошибочно выделяет главные бактерии, разрушающие иммунитет в планетарном организме.